

НА БИЛЕТ

ЕВГЕНИЙ ДОЛГИХ
Родился в Нуйбышеве в 1983 году. Окончил Самарский государственный университет (нафедра русской и зарубежной литературы). Профессиональная деятельность связана со СМИ — в разное время

корреспондент, ведущий, шеф-редактор новостных программ регионального и федерального телевидения. Публиковался в журналах «Русское Эхо» (2016), «Аврора» (2016), «Смена» (2017). В настоящее время живет и работает в Москве

(пресс-секретарь киноконцерна «Мосфильм», помощник генерального директора, нолумнист Mosfilm.ru). В 2019 году вольным слушателем окончил курс «Редактор сценария» на «Мосфильме» (мастер Александр Бородянский).

Каждый раз, спускаясь в метро, Сергей Рубанов — молодой рослый парень двадцати лет, недавно демобилизованный, а теперь мыкающийся по Москве в поисках приличной работы, — отмечал в себе странную приятность и рассеянно гадал: что это за чувство? То ли терпкий горьковатый запах машинного масла и черные с блеском рельсы напоминали ему о родительском доме близ маленькой железнодорожной станции, находящейся за две тысячи километров; то ли нравилась бесконечная людская толчея с каруселью лиц, мимолетными переглядами и вынужденной теснотой вагонного общежития? Сергей не понимал, но на душе отчего-то становилось тепло, и в голове крутилась слащавая до приторности фраза, то ли случайно услышанная, то ли прочитанная когда-то в книге: «Люди, милые люди! Здравствуйте!»

В переполненном вагоне Сергей с интересом крутил по сторонам коротко остриженной головой. Еще в детстве он вывел теорию о том, что любое мысленно представленное им лицо существует на самом деле. Как-то по телевизору показывали остросюжетный фильм, в котором следователь составлял фоторобот преступника. Десятилетний Сережа заморожено следил за тем, как из передвигаемых вручную (словно какая-нибудь мебель!) носа, бровей, ушей, губ и шевелюр различной густоты на экране возникает... живой человек.

Мысль о некоем высшем *художнике*, пришедшая тогда в его голову, показалась забавной — он стал

внимательнее смотреть на людей. И поразился бесконечности галереи человеческих лиц, в которой он с тех пор ни разу не увидел двух одинаковых портретов. Даже, казалось, в зеркальных близнецах находились отличия — пусть и мельчайшие, порой совсем неуловимые. В этом была какая-то мучительная сладкая тайна, чудо! И Сергей, хоть и смутно пока понимавший свои чувства, все же внутренне благоговел от ощущения этой тайны, к которой, как он считал, ему удалось прикоснуться.

Но чем старше он становился, тем больше у него появлялось сомнений и вопросов. Что-то в его теории не клеилось, что-то не давало покоя. При всем многообразии носов, бровей и особенно ушей Сергей очень рано стал видеть в носителях всей этой физической «уникальности» нечто *общее*.

- Ты никогда не думала, что нас там рисуют? — как-то раз робко поделился он своими соображениями с матерью.
- Кто? И где это — там? — удивилась мама.
- Ну... — Ребенок неопределенно мотнул головой, не решаясь произнести громкие слова, такие как «небеса» или «Бог». — Там. Рисуют. Как на бумаге.
- Ты вроде неплохо получился, — рассмеялась мама. — Мы старались.
- Не в этом дело, — серьезно сказал Сережа. — Можно нарисовать лицо, так?
- Допустим...
- А душу? Можно?

– Ну, здесь, Сережа, ты сам художник, – тоже неожиданно серьезно сказала мама.

Детский разговор этот как-то быстро забылся...

Но и в школе, а потом и в армии Сергей с особым любопытством присматривался к сверстникам, сбиравшимся в группы, неважно на каком основании или принципе – учебы, музыкальных увлечений, физической силы. Еще подростком он увидел, вернее, почувствовал внутреннюю *сложность* людей, определенную их предсказуемостью и скучностью в поступках – особенно в вопросах обустройства личного благополучия и спокойствия. Так называемого счастья.

Увы, или *к счастью*, но заурядная его жизнь не опровергала этих нехитрых умозаключений – Сергей, как и большинство из нас, занял стороннюю позицию наблюдателя. Жил согласно старой поговорке: не делай людям добра, не получишь зла. Но каждый раз, всматриваясь в случайное уличное лицо, Сергей старался ответить на давно мучивший его вопрос: «К чему тогда все эти игры? Спрятать за высоким лбом собственную *заурядность*? Только-то...»

На «Октябрьской» вагон вырвало сразу из четырех механических ртов – Сергей, пару секунд побарахтавшись в разноцветной людской луже, обрел равновесие и уверенно поплыл к эскалатору – на пересадку.

В переходе между станциями у стены под табличкой «Держитесь левой стороны» стоял на коленях молодой парень. Сергей, которого мягко несло утренним людским течением, удивился несоответствию его внешней опрятности и отчаяния позы. Кусок картона в правой руке пояснил: «Еду домой. Обокрали. Помогите на билет. 4100». В левой руке парень сжимал открытый на странице с фотографией паспорт. Просящий милостыню безучастно поглядывал то на потертые мраморные плиты, то на прокопченную людским духом штукатурку подземного свода.

Спешащая толпа молча увлекала Сергея к лестнице. Решение было принято само собой. Он словно лыжник заработал локтями, пытаясь изменить курс. – Пусти! Да пусти же!

Вынырнув из потока, он оказался перед парнем, не сразу поднявшим к нему лицо. Сергей еще раз поразился пустоте и равнодушию в выцветших глазах просящего – неизвестный словно пребывал в трансе.

Сергей, почему-то краснея, протянул ему мятый полтинник. Тот принял бумажку странно – то ли с удивлением, то ли с иронией. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Сергея неприятно кольнуло то, как незнакомец одернул руку – словно не просил милостыню, а сам брезгливо сунул подачку подземному попрошайке.

Но тут бухнуло невидимое железо, отозвавшись звоном в остовах стенных светильников-факелов, затем нестерпимо громко завизжали тормоза прибывающего поезда, и через секунду каменный пол беспокойно задышал от топота сотен ног.

С теплым подземным ветром прилетела пошлая мыслишка: «Не им подаю, *Ему* подаю!» Сергею на мгновение стало стыдно, но поредевший было людской поток вновь уплотнился, и его понесло на платформу.

В другие дни он видел в метро много таких же «нищих» – «обокраденных», «попавших в беду», просящих на билет или лекарства. Как-то на «Киевской», сойдя с эскалатора, Сергей едва не налетел на беременную, сидевшую прямо на полу. Он вглядывался в открытые паспорта: по большей части все это были люди молодые, его ровесники. Никто даже не пытался, пусть и для отвода глаз, примерить на лицо или фигуру печаль, стыд, горе, да хотя бы растерянность! При взгляде на них неоткуда было родиться жалости. Но к ногам все равно летела мелочь, мятые засаленные купюры...

Сергей удивлялся, но не корил себя за слабость – он почему-то по-детски был уверен в том, что помог действительно нуждавшемуся.

А через три месяца увидел на «Шаболовской» того самого парня. С линиями глазами. Знакомец стоял у мраморной колонны – в той же позе, с той же табличкой. Сергея будто по щекам отхлестали – так загорелось лицо. Он прошел было мимо, но у эскалатора резко развернулся. Еще не понимая зачем, он решительно подошел к попрошайке и молча замер рядом.

– В чем дело? – через минуту тихо спросил парень, не поднимая глаз. – Мне тут разрешено.

– Сколько собрал? – Сергей попытался взять насмешливый тон, но мешало волнение. – На пароходе домой теперь поплывешь?

– Каком пароходе? – Парень недоуменно, но без страха уставился на Сергея.

– Я тебя видел на «Октябрьской». Еще летом. Даже денег тебе дал. Что? До сих пор четырех тысяч не собрал?

Парень явно смутился, но быстро взял в себя в руки. Взгляд его снова расфокусировался.

– Плохо работаешь. Хоть бы подальше отъехал, – упрекнул Сергей «нищего». – Или там другие «работают»?

– Мужчина, отойдите от меня. Я вас не трогаю, – ответил парень.

В бесцветном голосе его зазвучали профессиональные нотки – как у кассира или «менеджера по продажам», круглые сутки околачивающегося по подъездам с дежурным набором импортного пластмассового хлама.

«Смотри-ка, насобачились! – Сергей задохнулся от внутреннего возмущения. – Стригут купоны! Ну, сволочи...»

Он закрутился вокруг незнакомца, соображая, что бы такого сделать: крикнуть, разоблачить мнимого нищего? Но как? Ударить его? Позвать полицейского? Да и кому это нужно...

Парень тем временем снова принял отрешенный вид, не обращая на телодвижения Сергея никакого внимания. Встретившиеся на минуту поезда, выплыв пассажиров, разлетелись по тоннелям. Спускающиеся по эскалатору граждане равнодушно расползались по платформе. Сергей почувствовал себя глупо.

– Козел ты, – неожиданно сказал он парню – больше с досадой, чем со злостью.

– Мужчина, я вас не трогаю, – заученно повторил «нищий».

– Дать бы тебе по лбу...

– Мужчина, я вас не тро-га-ю! – Парень чуть повысил голос.

Несколько человек из числа ожидающих поезда оглянулись в их сторону. Сергей приободрился.

– Куда едем, кстати, Евгений Васильевич – одна тысяча девятьсот девяносто девятого года рождения? Паспорт, конечно, поддельный?

– Мужчина...

– Граждане! – перебил парня Сергей и, повернувшись к стоящему неподалеку тусклому старику, весело крикнул: – Подайте Евгению Васильевичу несколько тысяч рублей! Ему домой нужно...

– Слушай, отвали! – зашипел парень.

«Нищему» явно не хотелось привлекать к себе внимание – он быстро поднялся с колен, сложил вдвое картонку, набросил рюкзачок на плечи и, застегнув на ходу пуховик, поспешил к выходу. Серега машинально пошел следом. Возмущение, которого он сам почему-то стеснялся, сменилось интересом, каким-то спортивным любопытством. На эскалаторе парень оглянулся и наткнулся на прямой взгляд Сергея.

В вестибюле «Шаболовской» он догнал незнакомца, пригнулся, тихо заговорил на ухо:

– Послушай, мне же не полтинника жалко. Ты мне объясни: зачем ты это делаешь? Зачем позоришься? Здоровый парень вроде?.. Руки, ноги есть – работать можешь. Почему обманываешь людей?

– Ты серьезно? – Парень остановился у стеклянных дверей и спросил с искренним удивлением: – Ты серьезно, чудак?

– Вон сотрудник стоит. – Сергей кивнул на маячившего у рамок металлоискателей полицейского. – Подойду сейчас к нему и скажу, что ты попрошайничаешь. Нищенствовать в метро запрещено – мигом вылетит отсюда.

– Не надо. – Парень снисходительно улыбнулся. – Вот сотрудника не надо. Пойдем, я тебе все расскажу.

– Куда?

– Тут недалеко.

Они вышли на улицу. Уже смеркалось. Ноябрьский вечер ложился на гигантский город серой стеной тумана – в густой полумгле подслеповато вспыхивали цветными пятнами светофоры, матово блестели крыши. По грязному, едва уцепившемуся за асфальт ледку скользили теньями размытые фигуры прохожих.

Парень шел быстро, не оглядываясь. Сергей старался не отставать. Краем глаза увидел, что разоблаченный «нищий» торопливо отбивает кому-то сообщение по мобильному телефону. Сергей попытался хотя бы насторожиться – страха не было. Через пару минут они очутились на пустыре за высоким забором – близ многоэтажного бетонного недостроя, равнодушно взиравшего на вечернюю улицу черными глазницами пустых окон. Рядом со зданием в два ряда – друг против друга – сутулились, обитые жестью, небрежно покрашенные и, судя по всему, давно пустовавшие бытовки для рабочих. В ярком свете прожектора поблескивала заиндевшая грязь.

Сергей и его спутник громко протопали несколько метров по грубо сколоченному деревянному тротуару к будке-прицепу со светящимся решетчатым окном.

Железная дверь с наспех выведенной на ней надписью «Охрана» тут же распахнулась: из тепла и света вывалился раскрасневшийся молодец лет двадцати пяти – в синем камуфляжном тулупе с облезлым меховым воротником. Плотный, и в то же время какой-то рыхлый, с одутловатым от безделья и сытости лицом.

«Глаза как у телка трехмесячного – навывкате», – отметил про себя Сергей. И даже позабавился отсутствию тревоги: «Бить будут, что ли, действительно?»

– Здорово, Вован! – приветствовал охранника парень.

Голос его теперь звучал глухо, с деланой хрипотцой.

– Здоровей видали, – мрачно ответил толстяк, что-то дожевывая и шлепая масляными губами. – Не таких ломали. Кого привел?

– Да тут у козла одного вопросы возникли, – засмеялся «нищий» и вдруг угрожающе вскинулся. – Чего хотел, сука?

Вышло неубедительно: парень щуплым своим обликом никак не тянул на бойца. Сергей быстро приценился к охраннику – увалень, кулаки в таких вязнут, как в тесте. Хватит и пары оплеух. Но драться не хотелось. Его даже смешила эта ситуация – нашел, называется, проблем на ровном месте...

– Хотел в глаза твои бесстыжие посмотреть, – спо-

койно сказал Сергей. – Узнать, сколько такие, как ты, паразиты на доброте людской имеют.

– Нормально имеют. И чего? – Парень сразу же сделал шаг назад, но все еще бодрился. – Кому надо – отстегиваю! Я тут не один.

Сергей вдруг сообразил, что попрошайка с испугу принял его за конкурента. Или рэкетира. Рыхлый в камуфляже, перестав прыгать челюстями, неуверенно двинулся вперед.

– Сломаю руку, – на всякий случай предупредил его Сергей, не отрываясь от вылинявших глаз «нищего». – Не стыдно, Евгений Василыч? Или как тебя там?

«Евгений Василыч» виновато улыбнулся, пожал плечами. Сергей наконец хорошо его рассмотрел. Парень напоминал воробья: тонконогий, нос клювиком, оттопыренные смешными треугольниками ручки-веточки – такими ни работать, ни драться.

– Чего молчишь, чижик? – миролюбиво спросил Сергей. – Бить не буду.

– Смотри, как бы самому ноги унести! – неожиданно пискнул парень и в три прыжка оказался в самом темном углу стройплощадки. Замер, наполовину скрытый тенью от забора.

Охранник, словно дождавшись команды, тут же попер на Сергея. Как паровоз товарняка – сопя и присвистывая от собственной тяжести.

– Ты чего к нему пристал, сука?!

«Полшага влево. Коленом в живот. Пока будет падать – добавь в ухо», – отдавал команды телу Сергея его мозг, обретавший в критические моменты кристальную ясность мышления. Руки радостно отяжелели – приятно, словно от незрелого с кислинкой яблока, свело скулы...

Сергей так и не понял, как это произошло... Кто-то тяжело дохнул ему в ухо, тут же подло облапили, навалились сзади. Где он прятался – этот, второй?

Толстяк, торопясь, точно слепой, наугад ткнул кулаком в стальной Серегин подбородок – замахнулся было еще раз, но вдруг охнул, схватившись за колено. Сергей, удачно пнув рыхлого, резко вскинул голову – сзади замычали от боли, хватка на миг ослабла. Сергей подался вперед, но сразу получил по затылку – вязкая одурь потянула его к земле. Он сел было на четвереньки, но чья-то проворная сильная рука тут же рванула с треском воротник рубашки, и Сергей оказался на спине: перед глазами замелькали квадратные носки забрызганных грязью кожаных туфель.

Били молча, деловито побряхтывая.

Серега катался по едва замерзшей земле, прикрывая, как мог, лицо. Звуки города вдруг исчезли. Оста-

лось холодное ширканье, шелест одежды и сочные шлепки ударов. Толстяк больше топтался – все метил в голову. Этот второй махал ногами, словно танцор. И задыхался – видимо, от собственной резвости...

– Хорош, парни! – наконец выкрикнул Сергей, понимая, что могут перестараться – не со злости, от страха.

– Лежать, сука! – гаркнули сверху.

В вопле этом, правда, чувствовалась робость. Бить перестали. Толстяк тут же отбежал на безопасное расстояние.

Сергей, убрав от лица ноющие от боли руки, разглядел теперь и второго – тоже молодой, откормленный. Охранник настороженно поглядывал сверху; держался, правда, за челюсть. Пару раз сплюнул красным.

«Попал-таки», – не без удовлетворения отметил про себя Сергей.

Впрочем, пару раз все же хорошо «попали» и ему: гудело правое ухо, саднила бровь. Сергей поднялся было, сделал пару шагов, но тут же присел на корточки, с трудом ворочая гудящей от удара шейей, – темнело в глазах.

– Сейчас Михайлыч подойдет. Я ему эсэмэску отбил... – прошелестело из угла, где жался «нищий».

Михайлыч оказался полицейским, дежурившим в вестибюле «Шаболовской». Козырек форменной кепки бросал тень на пол-лица – глаз не разглядеть. Начищенный до блеска значок с личным номером переливался в морозной темноте. Сергея обступили – как в подворотне перед быстрой расправой.

– Документы ваши, молодой человек.

Страж правопорядка говорил лениво, растягивая слова – как, видимо, и положено должностному лицу, пусть и небольшому.

– С собой, старшина, – улыбнулся Сергей.

Полицейский деловито, без спешки прохлопал карманы Серегиной куртки, извлек потрепанный без обложки паспорт.

– Так. Приезжий. Регистрация. Есть?

– Нету регистрации, товарищ полицейский! – весело сказал Сергей и шмыгнул разбитым носом.

– Ну, значит... Пройдемте? – задумчиво проговорил Михайлыч.

– Да я не против. Напишу заявление заодно. Побой как? В отделении зафиксируем?

Михайлыч повертел документ в руках, брезгливо покосился на охранников, стоявших перед ним навтыжку.

– Давно из армии?

– Полгода.

– Работаешь?

– А чего – в этом городе работа есть?

– Кому надо – найдет. Пойдешь к нам?

Михайлыча, казалось, заинтересовал этот парень, потревоживший его маленький уютный «бизнес».

– Попрошайничать, что ли? – не сдержался Сергей, мысленно прикидывая, кто на этот раз ударит первым.

Но старшина неожиданно смягчился – явной угрозы от незнакомца не исходило.

– М-да... Слушай, братишка. – Он мотнул большой головой в сторону замершего у ворот попрошайки. – Ты чего от него хотел?

Сергей тоже обернулся на «нищего»: тот сразу принял знакомую позу – смиренного равнодушия. Скромно так смотрел себе под ноги.

«Хорошие кроссовки у него, – вдруг подумал Сергея и его вдруг затрясло. – А чего? Заработал... Тварь поганая».

– Правды, – вслух сказал Сергей.

И теперь уже действительно по-настоящему приоткрылся драться. Рвать.

– Какой правды?

– Почему людей обманываете!

– Каких людей, епта?

– В метро. Ему же не надо домой.

Старшина в полном недоумении смотрел на Сергея. Наудачу вовремя почувствовал в странном парне опасную перемену. Спросил мягко, без издевки:

– Ты что, больной?

– Почему?

– Где живешь?

– В России.

– Ну. А чего тогда?

Повисла пауза. Охранники по-собачьи выжидательно смотрели на Михайлыча. Михайлыч на Сергея. Сергей на «нищего». «Нищий» себе под ноги.

«Чего я, в самом деле-то? – унимал себя Сергей. – Чего добьешься с ними? Всех бить, что ли, скопом?! Кулаков не хватит...»

Звуки вечернего города неожиданно вернулись: где-то совсем рядом сыпанул возмущенной трелью трамвайный звонок, тут же огрызнулось разногласием несколько автомобильных гудков, из-за забора донесся громкий женский смех и цокот каблучков. Сергей ртом жадно вдохнул этот шум – немного полегчало. Он понял, что лучшее, что он может сделать сейчас, – это просто уйти. Только как теперь? «Поджал хвост, Сережка? – попытался было себя распалить. – Хорьков этих испугался? Уработали, как школьника...»

Но злости не было – лишь досада. Неловкость, что ли, какая-то. Бей он их до смерти, положи здесь всех рядком – все равно не поймут. Это как перед гориллой в зоопарке кривляться. Таких главное не бояться – и хватит с них. Что же до себя, то...

Сергей глянул на старшину – и старшина все поглядел.

– Вот что, мужики, уберите-ка его отсюда! – спокойно, по-деловому скомандовал он.

Сергея быстренько вытолкали на улицу. Толстяк все же не удержался, бросил вслед:

– Вали отсюда, придурок!

Поквитался, видимо, за ушибленное колено. Калитку, впрочем, прикрыл проворно.

– В расчете, – негромко самому себе сказал Сергей. И побрел на свет фонарей.

– Ты меня больше не беспокой, – долетел из-за забора раздраженный голос старшины.

Это Михайлыч делал выговор своему подопечному.

– «Наехали» на него!.. Я тебе что – мальчик?

Когда эскалатор, сложив ступени, изготовился столкнуть его, Сергей перед самыми своими глазами увидел линованный тетрадный листочек, аккуратно придерживаемый тонкими пальцами. Рукописные буквы попрыгали, но быстро собрались в две строки: «Помогите собрать на билет домой. Обокрали». И цифра рядом: 3700.

Рыжая девица в черном пальто нахально косилась то на мраморный пол, то на прокопченную временем и людским духом штукатурку подземного свода.

– Три семьсот? – делано поинтересовался Сергей, подойдя к ней вплотную. – На билет?

Девица бегло оглядела его – помятого, в грязной куртке, с подбитым глазом – и, ничего не сказав, снова уставилась в пол.

Сергей вытащил кошелек и отсчитал нужную сумму.

– На! – Он протянул ей деньги, не узнавая собственного голоса. – На билет. До дома.

Девица, не глядя на Сергея, подставила бледную ладонь – купюры тут же исчезли в кармане пальто.

Сергей не ждал благодарности – подумал лишь о том, что рыжая, наверное, немедленно должна уйти, побежать покупать билет. А как иначе? Но девица не сдвинулась с места.

– Бери, говорю, не сомневайся, – зачем-то растерянно добавил Сергей.

Из-под электронного табло с визгом вылетел поезд. Сергей, не оглядываясь, шел в сторону последнего вагона – запрыгнул в уже закрывающиеся двери. Состав стал набирать ход – замелькали колонны, лавки, зеркала, лампы.

Прежде чем желтый свет станции пресекался чернотой тоннеля, Сергей против воли обернулся – ушла ли? Осталась?

Платформа была пуста.

Он с интересом стал разглядывать мутные пятна лиц немногочисленных пассажиров.